

Воспоминания

Полякова Клара Михайловна

(14.12.1923 – 19.03.2019)

Москва

~ 1 ~

Я родилась 14 декабря 1923 года в Москве на Большой Никитской улице, дом 12 на углу Газетного переулочка. Родилась я в роддоме имени Грауэрмана на Арбате, где родились Ширвиндт, Державин, Андрей Миронов, многие известные люди. Этот роддом до сих пор еще стоит.

Жили мы в коммуналке, занимали две комнаты. Получил их папа на паях: раньше был ЖАКТ (жилищно-кооперативное товарищество). Одна комната 40 кв. метров, другая поменьше. Было еще трое соседей. Рабиновичи, очень приятная дружная семья, я часто бывала у них в гостях. Кибовские с сыновьями (Руслан и еще один, имени не помню). Тоже хорошая семья. Кибовская потом приезжала к маме в гости уже на Ленинский проспект, 72. Связь не прерывалась долго. У Рабиновичей две маленькие комнатки, выходили окнами на Большую Никитскую, а наши окна выходили во двор.

Двор была как колодец, ни одного деревца не было, но играли мы во дворе. Гулять нас водили в Александровский сад. В детский сад я не ходила, у меня была няня. Помню, как я ходила с няней Зосей гулять в Александровский сад. А ее подружка Фрося, домработница соседей, с ребенком тоже ходила туда с нами. Была прямая дорога с Большой Никитской мимо Манежа в Александровский сад. Были там огромные вековые дубы, очень много. Там была песочница, где грот. А у Боровицкой башни по склонам росли шампиньоны. Мы их собирали и жарили. Там тогда не так уж много людей ходило.

А напротив Александровского сада рядом с Манежем был дом, в котором жила сестра Крупской, ее подъезд выходил на

Александровский сад. На улице Грановского была больница и Военторг.

Как-то я заболела ангиной, а в соседнем доме по Большой Никитской была поликлиника, но я туда дойти не могла. Папа повез меня туда на извозчике. В поликлинике мне удалили гланды, очень быстро и я оттуда пошла домой сама, своими ногами.

Гулять часто ходили в сквер к Консерватории, там лавочки стояли, кусты росли, был очень приятный сквер.

Училась я в 32-й школе напротив Консерватории. Первый класс на третьем этаже. Там были очень низкие потолки, мы сидели и над нами очень низко – потолок. Лестницы были крутые, подниматься было тяжело. Фотографий школьных у меня нет, тогда фотографий не делали, не принято это было. Ходила я в матроске, формы школьной не было.

В Москве к нам часто приходил мамин брат – дядя Гриша (Григорий Иванович Иванов-Федоров). Он окончил ТРАМ-студию, работал в театре ТРАМ, потом его отправили в Свердловск.

На Никитской часто ходила я в клуб МГУ в самом начале улицы, там студенты ставили спектакли, какие – не помню, но помню, что очень мне нравилось. Напротив нашего дома стоял какой-то храм. Раньше это был Никитский монастырь, но в нем было уже общежитие. Там жила моя школьная подруга. Только потом я прочитала, что там был монастырь, в честь которого была названа наша улица. Его потом совсем уничтожили и поставили сооружения для метро – это мы увидели, когда вернулись в Москву из Саратова.

Орехово-Зуево

Родители мои – Михаил Семенович и Евдокия Ивановна Евстафьевы. Оба они родом из Орехово-Зуево.

Папины родители – Марфа Константиновна и Семен Федорович Евстафьевы. У Марфы Константиновны была мама Пелагея (моя прабабушка), я ее помню. Мы с бабушкой Марфой ходили в лес за грибами, за клюквой (в Орехово-Зуево болота были торфяные), это она меня приучила в лес ходить. Откуда папины родители – не знаю. Я их застала, когда они жили в казармах, а казармы были фабричные: длинные коридоры, на каждый этаж по огромной кухне.

Мамина мама – Анна Петровна Иванова-Федорова, а папу его я и не видела, и не помню. У мамы было два брата и две сестры (тетя Паня, тетя Лида, которая потом была санинструктором на фронте). Братья Анатолий Иванович, Григорий Иванович (дядя Гриша). Они все пошли по театральной линии. Мамины родители работали на фабрике. Бабушка Анна Петровна жила в двухэтажной казарме. На всю казарму был один огромный титан. И была общая кухня, и у каждой комнаты были на кухне лари, закрывались на замочек. Готовили на общих печах, которые закрывались заслонками. Готовили в чугунах; чтобы поставить свой чугунок, надо было выбрать место. Когда вынимали чугунок из печи, его ставили на шесток, а потом – на ларь. У печки стояли лавочки – когда было холодно, многие грелись у печки в кухне.

Когда меня отправляли отдыхать в Орехово-Зуево, я чаще приезжала к папиным родителям, там и корова была, и молоко. Любила я с бабушкой Марфой ходить через поляну к коровникам доить корову (жителям казарм давали коровники, можно было держать корову). Возле казармы были чуланы с погребами и участки под огороды. Был и у бабушки огород. Были чуланы, где сушили белье (белье стирали в прачечной).

Чуланы были двухэтажные: внизу всякий хлам, а на втором этаже сушили белье. В чулане был еще и погреб, иногда туда спускали молоко.

Саратов

Когда мы жили в Москве на Большой Никитской, папа работал в ЦК партии на Старой площади инструктором, отдел папин был по земледелию. После гражданской войны (он был комиссаром-политработником) его послали учиться в Институт Красной профессуры на Волхонке - это здание и сейчас стоит напротив Библиотеки имени Ленина, ближе к Арбатской площади. И папа купил на Большой Никитской рядом с работой эти две комнаты в ЖАКТ. Папа, когда работал в ЦК, был дружен с Кагановичем Михаилом Моисеевичем, братом Лазаря Моисеевича. Когда в Москве построили метро, оно носило имя Лазаря Кагановича.

А в 1935 году, когда начали создаваться машинно-тракторные станции (МТС), папу послали начальником политотдела при МТС в Турки Саратовского края. Это райцентр, большое село. В Турках я училась в школе. К тому времени мне было 12 лет и уже родился мой младший брат Виталик (еще в Москве, на Б.Никитской).

В Турках был одноэтажный дом: половину занимали мы, а половину – редактор местной газеты с семьей. У нас с ними в общей стене была дверь и мы могли ходить друг к другу в гости. Когда началось раскулачивание, как-то я проснулась ночью – к нам ломился сын кулака, у него в руках нож, которым он открыл крючок на терассу и начал рвать дверь к нам в дом. Папа подошел к двери и кричит: «Прекрати ломиться! Опомнись!» и стрелял в потолок. А мы жили на горе, а сами Турки – внизу, под горой. Пока милиция приехала, он уже убежал. Помог еще редактор: папа с ним вместе уговаривал этого кулака не рваться.

Приехала конная милиция и его поймали. Потом к папе приходил его отец, уговаривал, чтобы сына не посадили.

После этого случая я стала ходить проверять все окна, занавески, чтобы не было щелочек. Как я боялась! Все спать лягут, а я пройду, проверю все. Всегда боялась.

В Турках мы устраивали елки, приглашали соседских детей. Папа любил, чтобы было много детей. Была большая комната, там ставили большую елку, наряжали, чем могли. Подставка была – крестовина. Елка долго стояла – несколько дней.

А в 1936 году папу перевели из Турков в Саратов, он стал начальником Наркомзема, отвечал за сельское хозяйство Саратовского края. Он был членом Крайкома, большой начальник, уезжал на все заседания Крайкома. Мы жили в большой трехкомнатной квартире в центре Саратова рядом с парком Липки. Квартира уже была обставлена мебелью.

У нас в Саратове была немецкая овчарка Джильма. Прекрасная. Очень умная. Джильму привезли из Турков, она нас там охраняла. Когда кулак ломился, она сильно лаяла, но выпустить ее мы не могли, боялись. Однажды, уже в Саратове, мама что-то шила дома, не могла вдеть нитку в иголку и попросила Джильму: приведи Клару. А я была на уроках в школе. Джильма прибежала в школу, тянет меня за подол. Я переполошилась, побежала за Джильмой, прибегаю домой, а там мама сидит и говорит: вдень мне нитку в иголку. Дом в Саратове был трехэтажный, лифтов не было, Джильма быстро бегала по лестнице, за ней не успеешь. Из-за этого у нее был поводок.

Ходила с ней гулять Ариша, наша домработница, которая была у нас еще в Турках, а потом переехала с нами в Саратов, а потом и в Москву. Хорошая была: и готовить умела, и за нами ухаживала. Потом уже, когда вернулись в Москву, мы вызвали

ее к себе на Кадаши, а комната там была 14 метров, жить ей негде и мы поселили ее в кладовку, в предбанник. Она устроилась работать в столовую на фабрику «Красный текстильщик» напротив кинотеатра Ударник. Я часто приходила у нее обедала. Она была посудомойкой в этой столовой. А потом ее устроили в собес и на Большой Якиманке ей дали комнатку без окон, которая выходила прямо в кухню. Я ее часто там навещала, а потом она умерла и мы не знаем даже, где ее похоронили.

Папа у нас был высокого роста, а размер обуви – 37. Папины товарищи смеялись – Вы, как в Китае, в колодках росли. И он не мог себе найти обувь в магазине. А у мамы был 41-й размер обуви. И в Саратове мы познакомились с сапожником, дядей Ваней Ушаковым. Дядя Ваня шил папе мужские ботинки, а маме – туфли, и нам с Виталиком – детскую обувь. У него было 2 дочери – Ира и Люся. Ира – спортсменка, любила кататься на коньках. У папы был пропуск на два лица в любой кинотеатр и театр. Я с Ирой все оперы прослушала в театре Чернышевского (Саратовском оперном театре имени Чернышевского): Снегурочку, Евгений Онегин, все-все. Там была ложа для членов крайкома партии. Когда Виталика не пускали (маленький), он надевал валенки и вкладывал туда вату, чтобы быть повыше. Его все равно не пускают, он плачет....

А Люся училась в медицинском, потом пошла на фронт, приезжала на побывку домой и не вернулась в часть – погибла, ее сбросили с поезда.

У Иры после войны родилась дочка Галя, мы с ней потом долго переписывались, Галя с мужем приезжала к нам в Москву в 70-е годы, когда мы жили на Верхне-Михайловском. А потом перестройка – и связь как-то прервалась.

В Саратове я школу не помню, видно, ходила я там в школу недолго. Папа и года не проработал в Саратове.

Был 1937-й год. Помню, утром проснулись, перед Новым Годом. Спросила, где папа. Мама сказала: «Его ночью арестовали». Позвонили ночью: «Михаил Семенович дома?». А папа накануне приехал из Москвы с совещания у Андрея Андреевича, наркома земледелия. И в тот вечер мама с папой ходили в театр Карла Маркса. А ночью его арестовали.

Мама нас с Виталиком и Светой (моя младшая сестра родилась в Саратове в ноябре 1937 года) оставила с домработницей и пошла искать, где папа. Сказала, что увезли его. Когда арестовывали, сказали собрать вещи, взять с собой именную наган. Через несколько дней маме предложили съехать из квартиры. Подалась мы к сапожнику Ушакову в полуподвал на Радищевской улице, ближе к Волге. Мама нас быстро отправила к бабушке в Орехово-Зуево, а сама осталась в Саратове со Светой, которой было три месяца, чтобы узнавать про папу. Свету оставляла с тетей Ганей (женой дяди Вани Ушакова), сама ходила к следователю.

Однажды она сидела около дома на лавочке на руках со Светой, подошел человек в штатском, спросил, где живет Евдокия Ивановна Евстафьева. Она говорит: «Это я», руки-ноги отнялись, думала – «пришли меня арестовывать». Пошли с ним в полуподвал, где жили. Он говорит: «Не волнуйтесь». Мама спросила: «Собирать вещи?». Он говорит: «Оставьте ребенка, Вам свидание с мужем». Мама сказала тете Гане: «Не оставьте мою девочку, переправьте ее в Москву или в Орехово-Зуево». И пошли они в тюрьму с этим человеком. Длинный коридор, камеры. Вдруг открылась дверь, пустая камера, стол и две лавки. На одной лавке сидел папа, она села на другую сторону. Он был острижен, шевелюры как у Кирова у него уже не было. Он

сказал маме: «Скажи моим родным и детям, что я ни в чем не виноват. Сталин разберется и я выйду. Я ни в чем не виноват».

На другой день мама пошла к следователю, а он сказал, что папу отправили в Москву для доследования, так как он раньше работал в Москве; и ей надо отправляться в Москву.

(Примеч. Поляковой Л.Е.: больше о дедушке вестей не было, кроме того, что семье как-то сообщили, что ему дали «10 лет без права переписки». Мама уже после войны писала запросы, и только в 1956 году получила справку Военной Коллегии Верховного Суда СССР о пересмотре дела Евстафьева М.С. и отмене приговора Военной Коллегии Верховного суда СССР от 20 мая 1938 года по ст.ст.58-7, 58-8 и 58-II УК РСФСР (высшая мера наказания – расстрел с конфискацией имущества) «по вновь открывшимся обстоятельствам». Евстафьев М.С. реабилитирован посмертно).

И мама поехала в Москву. Где она жила в Москве, я не знаю, мы были в Орехово-Зуево. А мама начала ходить, хлопотать, чтобы нам дали жилплощадь, так как нашу квартиру в Москве опечатало НКВД. Она ходила в Мосжилотдел, ей сказали: «Собирайте документы от соседей, чтобы они подтвердили, что вы там жили». И мама нашла соседей по дому, которые все подтвердили. И нам дали комнату 14 квадратных метров на четверых на Кадашевской набережной, дом на углу Старомонетного переулка, напротив кинотеатра Ударник.

Комната узкая, как пенал. Помещались две железные кровати и диван. Света на ночь раскладывала между столом и шкафом раскладушку и спала так долгое время. Мама устроилась работать в артель: на дому резали какие-то ярлыки. А потом пошла работать в столовую заведующей хозяйством. У нее там укатили бочку с пивом, за это ей грозила тюрьма. Денег отдать за эту бочку не было. Помогла моя подруга Зина Олейник: ее

сестра копила деньги на шубу и дала их нам в долг. Мама расплатилась и ушла оттуда.

Виталик учился в школе в Старомонетном переулке, в соседнем доме. Учился хорошо, был послушный, старательный, воспитанный. Он был спокойный, тихий, неболтливый мальчик. Виталика с 14 лет дядя Ваня, папин брат (зам. наркома легкой промышленности, жили они на Покровском бульваре, недалеко от цирка) устроил работать в кожевенный институт на Пятницкой на производство в мастерскую по ремонту обувных машин. И Виталик там работал, помогал семье, чтобы Света могла учиться. Виталик очень любил песни петь, голос был неплохой, его жена Маша говорила, что он ей напоминает Марка Бернеса. А потом, когда я уже жила на Большой Якиманке, он стал заниматься чечеткой. Когда он ездил в санатории (ему давали путевки от института кожевенной промышленности), он всегда там выступал в художественной самодеятельности с чечеткой и привозил благодарности.

Еще Виталик играл в футбол, у них была команда. Как-то он травмировал ногу, врач сказал – надо отнимать ногу, назначил операцию. А жена Виталика Маша где-то на Пятницкой нашла целителя, который сказал: операцию не делать. И накануне назначенной операции доктора срочно вызвали на север кого-то оперировать. А целитель Виталика вылечил и после этого Виталик стал заниматься чечеткой, а в футбол он уже не играл.

А потом у него обнаружили рак, у него же было вредное производство. Лечили его на Каширке, делали облучения, Маша была с ним все время, не оставляла его. Он очень любил маму, и она его. Он всегда к маме приезжал, каждую неделю, когда она уже жила на Ленинском. Хорошо, что мама не дожила до его смерти. А умер он в том же году, что и мама, через очень

короткое время. Ему было 47 лет, похоронили его рядом с мамой на Хованском кладбище.

Я на Кадашах окончила 8 классов и пошла учиться в техникум связи им. Подбельского на Петровке, недалеко от сада Эрмитаж, на отделение проводной связи. Отучилась я там первый курс и началась война.

Война

Наш техникум эвакуировали в Сибирь, а нас, учащихся, направили на рытье окопов в Брянск. Пока ехали до Брянска, поезд бомбили. Сказали: ложитесь все на пол, и мы все попадали. Приехали туда. Жили в домах у хозяев. Копать было тяжело. Потом начали работать на лесоповале: отделяли делянку на двоих с девочкой и мы двуручной пилой распиливали деревья на отдельные бревнышки для надолбов. Работали летом, потом осенью вернулись в Москву.

Приехала домой: работы нет, учиться негде. У нас на Кадашах был сосед Иван Иванович Зотов (четверо в 14-метровой комнате), он работал мастером цеха на заводе «Красный факел» на Софийской набережной напротив Кремля. Он устроил меня туда на работу: я наполняла шариками оболочки мин. Я на прессе не работала. А когда в ноябре из Москвы все побежали, мы не эвакуировались, наш цех остался, а прессовщиц не было. И меня поставили на пресс делать прокладки для мин.

Иван Иванович предупредил, что предохранения у станка нет, туда руки совать нельзя. А у меня в прессе застряла стружка, и я, чтобы быстрее сделать прокладку, правой рукой начала поправлять и в это время механически нажала на педаль. И пресс, который мог пробить 5 сантиметров металла, отрубил первые фаланги двух пальцев на правой руке (средний и

безымянный). У меня был шок, а в цехе никого не было, только сидели два парня – монтера. Один из них взял меня на руки и понес в медпункт. Кровь вперемешку с маслом течет. А в медпункте сидела одна старая медсестра. Она даже не сделала никакого противостолбнячного укола, обмотала руку ватой и бинтами и вызвала две скорые помощи. Меня повезли на Шаболовку в госпиталь (потом там был 23 роддом, где я родила дочь Любу). Я была в сознании, я все помню: врач в операционной, много белых халатов, видимо, студенты-медики. Он им говорит: «Я попробую пришить эти два пальца». Потом сказал: «Нет, придется ампутировать первые фаланги». И мне их отняли. А врач сказал: хорошо, что пресс не попал на кисть – тогда пришлось бы ампутировать всю правую кисть.

Потом был бюллетень, ходила на перевязки. Страшно больно было срывать повязки, обезболивающих не давали. Потом постепенно все зажило.

Когда я еще работала на заводе, я поступила на курсы радистов в Москве, где они располагались – не помню, где-то в центре. Через какое-то время нас перевели в Нижний Новгород в школу радистов при разведуправлении Генштаба Красной Армии. Я продолжала учиться там, а потом нас перевели из Горького в Арзамас.

В это время к маме в Москве пришли военные и сказали, что Ваша дочь дезертировала с военного завода, ее могут арестовать. Мама написала мне письмо. Но все обошлось, я продолжала учиться на морзиста. Питание было – черная мороженая картошка, которую намазывали на хлеб и пили чай, еще каша пшенная. Рация была переносная, 2 кг весом. Через полтора года закончила учиться в девичьей группе («бабий батальон»). Из нашей группы двоим присвоили звание младший сержант – мне и Леле Хайловой из поселка Правда, а остальным

– рядовой. Из Москвы приехал полковник Генштаба для отправки нас на фронт. По одному человеку вызывали к нему в кабинет. Когда меня вызвали, он спросил: «Куда Вы хотите поехать – в тыл или на передовую? А знаете, что такое тыл? Это Вам придется работать горничной у какой-нибудь фрау, а рация Ваша будет на чердаке и ночью будете передавать нам сведения. А перед отправкой в тыл Вас направят в Москву для изучения методов разведки». Он сказал, что о нашем разговоре не должен никто знать.

А в радиошколе назначали дневальных в штабе при школе. Там у полковника был небольшой деревянный домик с печкой, ее надо было топить. Там у него был кабинет. Время 12 часов, а он все сидит, работает, потом вызвал меня к себе. Я пришла, а он подошел ко мне, начал меня обнимать. А во мне было 80 килограмм, я его оттолкнула рукой, он отлетел, я убежала, а он быстро собрался и ушел. Через 2 дня – приказ об исключении меня из школы и отправка на пересылку в другую часть. Я уж все передумала, я же писала в документах, что папа репрессирован. А причина была – не отдала честь начальнику школы, нарушила Устав.

На пересылке в Костерево (где-то на Волге) была часть аэростатов, которые летали над Москвой. Там я была недолго, а тут кончилась война. Я вернулась в Москву. Это был 1945 год. На парад Победы я не успела, меня комиссовали позже.

После войны

Я пошла устраиваться на работу в Исполком Октябрьского района (тогда – Ленинского) на Шаболовке, там была специальная комиссия по трудоустройству вернувшихся из армии. В комиссии была такая Сальникова и зам. председателя исполкома Сарвилина. И они меня направили в ЦСУ СССР, туда набирали статистиков. Я поступила в статистический техникум

и стала работать статистиком в районном статуправлении. После работы ездила в техникум на метро Семеновская, у кинотеатра Родина. Вечером занималась дома, на Кадашах; все спят, а я сижу. Как-то поздно вечером иду по двору (а двор – как колодец), вдруг подходит здоровый парень: «Снимай пальто!». А я говорю: «Оно старое и единственное, оно ничего и не стоит». Он говорит: «А я живу в вашем доме». Я говорю: «А я тебя видела», а сама дрожу. Он говорит: «Ну ладно, еще увидимся» и отпустил меня. Я прибежала домой, не помню как взлетела по лестнице. А пальто было как раз новое, мне его сшили в ателье Академии Наук на Ленинском. С разговорами и спасла пальто, он, наверное, меня пожалел. А больше никто на меня не нападал.

А на работу в статуправление на Шаболовку я ходила пешком, по Якиманке, мимо французского посольства. Улицы пустые, а мне не страшно. Милиционеры у посольства меня уже знали, здоровались со мной. Как-то шла я на работу, и вдруг как будто озарение на меня какое-то снизошло, думаю: какие же у нас все люди хорошие, добрые; так радостно на душе стало. Потом постепенно прошло.

Начальница нашего отдела Лина Васильевна была как дореволюционная дама – у нее была прическа и пенсне. Она была очень строгая, требовательная, ее называли «класная дама». Она в работу не очень вникала, уйдет домой по своим делам – она жила на Шаболовке за заводом 2-й ГПЗ. А потом она ушла на пенсию.

Я была комсомолка и очень активная, была секретарем комсомольской организации Ленинского исполкома. Закончила с отличием вечерний техникум и поступила на вечернее отделение Государственного экономического института при Плехановском институте на Серпуховке - в Строченовском

переулке. По статистике у меня четверка была. Интегралы, дифференциалы – очень сложно, они мне даже снились. Закончила институт, получила диплом, меня назначили зав. отделом статистики. В этом отделе я и проработала 47 лет.

В партию я все не вступала, наш председатель Исполкома Захаренко Кирилл Евтихиевич все говорил: «Что же ты не вступаешь в партию? Подавай заявление! А то, что папа расстрелян, это уже теперь не имеет значения». Я подала заявление, помощник председателя исполкома Елена Семеновна и Мина (отчества не помню), зав. первым отделом, дали рекомендации и меня быстро приняли в партию. Я стала членом партбюро и отвечала за культмассовый сектор. Мы ездили и по Золотому Кольцу, много было поездок, все это организовывала я. Всегда на собраниях выступала – все отчитывалась за экскурсии – Владимир, Суздаль, Плещеево озеро. Мне говорили: без тебя и собрание не пройдет.

Помню – выступала как-то на сессии райсовета на трибуне, читала доклад вместо зав. финансовым отделом (она боялась очень выступать, новая была) и вместо тысяч миллионы сказала. Она мне потом говорит: что же Вы не те цифры назвали. Но никто ничего и не заметил.

А я на всех собраниях садилась всегда на первые ряды, так как плохо слышала, слабое было левое ухо. А нам в статистику отчитывалась поликлиника Семашко, отчеты приносила бухгалтер. Она устроила мне прием у отоларинголога, мне сказали: у Вас отосклероз, нужно делать операцию. Меня положили в 1-ю Градскую в новый корпус. Сделали операцию, вставили аппарат и решили показать студентам. Меня вывезли на сцену в коляске и врач начал читать лекцию, сказал, что этот аппарат может стоять 20 лет, но не больше (а это был 1975 год). В палате у меня образовалось много подруг, Пугачева из

Новосибирска, мы потом переписывались. Когда вышла из больницы на улицу, у меня закружилась голова от шума, не могла привыкнуть, что так хорошо слышу. Сейчас прошло уже 40 лет, аппарат стоит, правда еще дополнительно поставили слуховой аппарат на батарейках, и я все хорошо слышу.

С Егором Ивановичем, моим мужем, познакомилась во время переписи населения в 1959 году. Он же телефонист. Сотрудницы мои звонили по телефону в организации и попали на Егора Ивановича, разговорились. Договорились они с Фаней Шехтер и Люсей Овчаровой встретиться. Люся пошла на свидание, посмотрела она на него и сказала: мы Вас познакомим со своей начальницей. В ноябре мы с ним встретились, на ноябрьские праздники, гуляли по улице Горького. Мы недолго с ним встречались, ходили в кино на площади Восстания (он обслуживал этот район). А в декабре пошли к его родителям на Валовую, мама со мной поехала знакомиться. Встретили нас дружелюбно. Папа Егора Ивановича, Иван Никифорович, работал начальником пожарной охраны в театре Пушкина. Сильно выпивал. Мама Пелагея Ивановна очень добрая была, всегда всех собирала, на праздники были такие столы. Она была мать-героиня: их было 7 братьев и 2 сестры. А была она цыганка из табора. Моей маме семья их не понравилась.

Пожились мы в декабре 1959 года – 14 декабря у меня день рождения, а 15 декабря мы поженились. У Егора Ивановича была раньше жена Серафима. Когда он служил в Австрии на демаркационной линии, она ему все открытки писала, а он – ей. Теща очень его не любила, она их и развела: он гордый был и выпить любил.

А мы с ним прожили 53 года. Он моложе меня – разница 5 лет, а разницы не чувствовалось. Он был очень эрудированный человек, очень много читал. Закончил он школу рабочей

молодежи. В войну его мама с детьми уехала в эвакуацию, их там встретили хорошо, поселили. А Егор и младший брат Ванечка остались в Москве сторожить квартиру. Отец их Иван Никифорович был в Москве в ополчении, все время на службе. Заходил, приносил продукты, а они с Ванечкой вдвоем в квартире. Лопнули трубы от холода, залило всю квартиру водой, вода замерзла, они на кухне катались, как на катке. В 12 лет Егор пошел работать на завод. В кухне поставили маленькую голландку, трубу вывели в дымоход. Чем они ее топили, не знаю. Потом из эвакуации вернулась их мама с детьми, это уже когда немцев отогнали от Москвы.

После войны Егора Ивановича забрали в армию в Австрию в демаркационные войска, так как он неплохо знал немецкий язык. В военном билете у него написано «стрелок». Когда проверяли меткость на мишенях, он говорит: «Я стреляю не очень хорошо, но попробую» и попал в десятку, потом еще попробовал – опять в десятку. Ему сказали: «Это не случайность, это система». Сначала его назначили каптенармусом, а потом он стал ходить с патрулем по вагонам – проверять документы, участвовал в задержании шпиона Отто Скорцени.

Как-то лежали они в засаде в снегу, было очень холодно, замерзли. Начали искать по домам, кто пустит погреться. К одному зашли – не пустили, ко второму – тоже, в третьем доме бауэр пустил, напоил чаем с ромом. Они отогрелись и пошли в часть. Потом на него свалили, что он упустил шпиона и отправили в другую часть. Он дослуживал в Прибалтике в Либау. Там он из-за драки (или доноса) попал в тюрьму. На суде привели человека – Егор Иванович с ним вообще не был знаком, он дал против Егора показания. Потом его мобилизовали, но с учета не сняли, долго он стоял на учете.

Когда мы с Егор Иванычем поженились, жить было негде. Мне от Исполкома еще раньше дали комнату в коммуналке на Ленинском, 72 (на пересечении с Ломоносовским). Соседка там была Ираида Петровна и муж ее Иван (отчества не помню), он раньше занимал большой пост, работал в Китае. Мы в этой комнате жили втроем: мама, я и Света. Виталик остался в 14-метровой комнате на Кадашах.

После свадьбы (праздновали на Ленинском) мама говорит: «Мы здесь не поместимся». Я начала в Исполкоме просить жилье. Мне подобрали старушку в опеку на Малой Полянке, на первом этаже. Стали мы жить в проходной комнате в двухкомнатной квартире. Эта старушка раньше работала белошвейкой, обшивала артистов. Иногда скажет: «Что-то пирожных, Клар, нету». Или: «Что-то захотелось селедочки анчоусного посла». Иногда ночью вставала и говорила, что ей надо походить вокруг стола. И Егор Иваныч ночью прогуливал ее, поворачивал то на один бок, то на другой, думочки ей подкладывал. А когда я ее поворачивала, у меня получился выкидыш. Меня берег Егор Иванович, я никогда абортов не делала. В больнице я посмотрелась, как обращались с женщинами, которые делали аборты. Но ко мне там хорошо отнеслись.

После этого мне опять пришлось просить жилье в Исполкоме – на Полянке было очень тяжело. И нам дали однокомнатную квартиру на 4 этаже в новой пятиэтажке на Шаболовке. Квартира была «распашонка», рядом со 2-м ГПЗ. Старушка осталась на Полянке, перед смертью оставила мне какое-то золотишко – зубы золотые и т.д. За ней потом ухаживала соседка, маленькая, горбатенькая, и ей потом тоже что-то досталось, а квартира осталась родственнице.

А в доме на Полянке на втором этаже жила моя одноклассница Тарасова Катя, она была очень умная девочка, великий

математик. Я к ним приходила, когда мы с Егор Иванычем жили на Полянке. Она стала встречаться с каким-то алкоголиком, в палисадничке у нас во дворе пила с этим алкоголиком и спилась. Я не знаю дальнейшую ее судьбу. Очень жалко.

В 1960 году родилась Люба, я с ней ходила гулять в коляске по Малой Полянке – в палисаднике боялась оставлять, вокруг было полно алкашей. Гуляла и думала: какая же у меня тяжелая судьба, как же мне тяжело, и мама со мной не общается (из-за Егор Иваныча).

Миша родился в 1963 году, когда мы уже жили на Шаболовке. Он родился в роддоме 1-й Градской больницы, а Люба – в 23 роддоме на Шаболовке, там был главврач Зак Рафаил Лазаревич – врач от Бога. Когда я лежала в 23-м роддоме, он накануне ко мне зашел и говорит: «Не волнуйся, родишь сама». И на следующий день я родила, и он меня поздравлял. А Егор Иваныч обыскался цветов, бегал со своей сестрой Валею, искал в центре цветы. А умер Рафаил Лазаревич – опаздывал на совещание, побежал за трамваем и сердце остановилось.

Егор Иваныч в это время работал монтером в Московской телефонной сети, обслуживал уличные автоматы. Рассказывал, если оставляли кошелек в телефонной кабине – все отдавал в милицию. Ему в милиции говорили: «Когда ты прекратишь нам носить?». И зонты, и все нес, возвращал.

Любу устроили в ясли – работать надо. Люба в ясли не очень любила ходить, это были ясли-сад от 2-го ГПЗ на Верхне-Михайловском. Сначала возили туда на трамвае, приходилось обманывать, что везем к бабушке Дуне на Ленинский, а Люба кричала в трамвае, когда догадывалась, что везут в ясли: «И в ясли не хочу, и к бабке Дуньке не хочу!». Как-то, когда везла Любу в ясли она очень плакала, я разнервничалась и потеряла ключи. А я поехала отвозить ее в халате, как идти на работу?

Пошла к Свете, она мне дала одежду, чтобы я могла пойти на работу.

А Миша ходил в ясли на Шаболовке, от шпульно-катушечной фабрики, это за 2-м ГПЗ. Как-то пришла в ясли после работы Мишу забирать, а нянечка говорит: «С Вас причитается, Ваш Миша пошел».

Потом Мишу и Любу определили в садик от 2 ГПЗ, рядом с Шуховской башней. Это был хороший сад, заведующая – Бронислава Ефимовна – очень заботилась о своем садике. В этот сад ходил сын Валентины Леонтьевой, она работала рядом, в телестудии на Шаболовке. Садик летом выезжал на дачу в Вещево под Дорохово. Бронислава очень заботилась о детях, спектакли ставили, устраивали представления. Валентина Леонтьева, когда ее сын выпускался из садика (а он был в Мишиной группе) организовала съемки и Миша выступал по телевидению, передачу вела Ангелина Вовк, она сказала: «Прощаемся с артистом Мишей Поляковым». Миша был настоящий артист, во дворе на Верхне-Михайловском, куда мы позже переехали, его звали Маврикиевна, он очень здорово всех пародировал.

Когда нас стало четверо, Исполком выделил мне квартиру на Верхне-Михайловском. На Шаболовке квартира была однокомнатная, распашонка, очень маленькая, а на Верхне-Михайловском – трехкомнатная. В этом доме жил Рафик, директор овощного магазина на Шаболовке, на углу Выставочного переулка.

Учились Миша с Любой в 5-й школе на Ленинском проспекте. Я ходила на собрания в школу, Любу хвалили, а у Миши математика плохо шла, а он говорил: «Зачем мне эта математика, деньги считать?». Математичка ставила ему тройки.

Потом Люба поступила в МГУ на геолога, а Миша пошел в керосинку (Институт нефти и газа). Владимиров был секретарем райкома комсомола, а потом стал ректором этого института. Распределили Мишу в какой-то НИИ, а потом он ушел в райком комсомола, стал инструктором. Познакомился с Милой, женился. Но ее родители были против, ее мама была директором ВИАЛЕГПРОМа, муж ее был связан с внешней торговлей, они хотели, чтобы жених был побогаче. Доверия к Мише не было, домой он приходил поздно. Потом уже, когда встретились с Мишиной тещей на кладбище (дочка Миши и Милы – Маша – умерла, не прожив и двух месяцев, от простуды), она говорила, какой же Миша был хороший и добрый, а сейчас у Милы муж совсем негодящий, одна отрада – внук. Миша с Милой после смерти Маши быстро развелись.

Миша женился на Ольге, но официального брака не было, только венчание. У Миши родились две дочки – Полина и Соня.

А тем временем мне дали квартиру на Октябрьской площади, туда попали многие исполкомовские. Дали трехкомнатную большую квартиру, все комнаты отдельные. В большой комнате окно выходило на Октябрьскую площадь, вид был на всю Якиманку до Кремля. Дом стоял на боевом месте. Я как-то несла домой торт Полет, а за мной забежал в подъезд грабитель, увидел, на какой этаж я поднимаюсь, и на другом лифте – сразу за мной. Хорошо, Егор Иванович быстро вышел на звонок и я спаслась. Дом был на проходном месте. Соседку нашу как-то загипнотизировали, она сама привела эту цыганку в квартиру, и сама все ей отдала. Когда я с нашей собакой Чарой гуляла во дворе, там часто крысы бегали, здоровые, как кошки. А так – место хорошее, Ленинский проспект, метро рядом.

На Октябрьской у Любы родилась Алена, квартиру разменяли, мы с Егор Иванычем переехали на Ленинский проспект, 39, а Люба – в однокомнатную в Бескудниково.

В 1982 году от Исполкома начали выделять садовые участки, 6 соток, под Дорохово по Белорусской дороге. Сначала – руководителям; Катин Константин Иванович поехал посмотреть, и ему не понравилось: в это время там пролетали самолеты из Кубинки, он решил, что будет шумно – и отказался. И вот нам там дали участки – Райплану (Валя Рыкова, Лена Вершинина), Собесу (Сорокина Зинаида Гавриловна) и нам.

Наш участок был в лесной зоне, пришлось корчевать пни. Участок нам достался узкий и длинный, не очень нам понравился, а потом оказалось – ничего. Начали стройку. Егор Иванович с Зинаидой Гавриловной ездили в Малые Вяземы, где продавали щитовые дома, купили домик. Кто-то посоветовал бригаду, которая собрала дом. Мы туда не вникали, они колотят что-то, а мы на кухне. Днем и ночью работали. Через какое-то время дом разъехался – одну стену они не прикрепили болтами. И Егор Иваныч с братом Сережей сами привинчивали эту стену болтами. А у Зинаиды Гавриловны ее муж Борис сам ставил дом со своим братом, долго они делали. Толя Рыков тоже сам дом строил, долго, но дом хорошо стоит.

А еще до постройки дома мы поставили сарай для инвентаря и кухню Егор Иванович сам построил из досточек. Его брат Сережа все собирал и привозил. Много было труда вложено. Один раз как-то самосвал заехал в канаву, ссыпал все не доезжая до дачи, нам пришлось все самим перетаскивать. А участок наш оказался удачный – выход прямо к лесу, соседей особо не видно, и мы не стали меняться с Вершиниными (хотя Лена и просила).

Когда Алена родилась, ее в пол годика привезли на дачу, она там и выросла, и начала выскакивать из коляски. После дождя

она очень любила ловить лягушат: в ладошку наберет и рассматривает. Я ей все говорила: брось их, я боюсь этих лягушат.

Когда Алена немножко подросла, мы с ней через лес ходили на пруд по тропинке, через ручей прыгали, вода там чистая была, тогда пили ее прямо не кипяченую. На пруду Алена купалась, туда и из деревни приходили дети купаться. А за грибами Алена не любила ходить, я все с соседкой Полиной Ивановной, с Клавдией Николаевной, особенно за опятами. Клавдия Николаевна говорит: «Как же Вы видите эти грибочки?», ей ничего не попадалось. А с соседкой Люсей я не любила ходить – она всегда вперед убегала. Белые собирала – я места знала: через высоковольтку в лесок, а там елочки. Потом там застроили дачами, стало ходить больше народу, грибницы выдирали. После того, как я окрестилась в 1999 году, как вхожу в лес, говорю: «Господи, дай мне хоть один грибок найти!». Как-то стою возле маленькой елочки, прошу у Господа грибок, поднимаю ветку, а там стоит такой красивый «трюфель». Лисички я любила собирать, они чистенькие, без червей. Я грибник еще с детства, бабушка Марфа меня всегда с собой в лес брала. Лес – это моя отрада, там забываешь обо всем, чувствуешь свободу.

Вахтанг, муж моей крестной Наташи (это родная сестра Ольги, второй Мишиной жены), очень любил грибной суп с моими сушеными белыми грибочками. Я грибы отбирала очень тщательно, всю червоточину вычищала. Насушивала на даче по два килограмма белых грибов.

А деревенские говорили: больше сюда не ходите, это наш лес. А я когда за грибами ходила, все время встречалась с одним и тем же мужиком: он видит, я возвращаюсь – значит уже прошла все грибные места. Иногда лисичек много было, иногда –

подосиновиков, подберезовиков. А теперь в лесах уже истоптано, таких грибов уже нет. А то за орехами как-то пошла, орехи поспели. Иду, встретился какой-то мужик и говорит: все мне хорошие люди попадаются. Срезал сучок длинный с рогатулькой, которым удобно орешины нагибать, а раньше у меня была прямая палка, неудобная.

Всю жизнь я была коммунистом и атеистом – до 1999 года. Люба только университет окончила, а ее школьная подруга Ира Казакова все к нам обращалась: Люба ходит в церковь, верит в Бога. Егор Иванович молчал, а я Любу все наставляла: зачем это все ты делаешь? Вот и грешница я такая до последнего часа. А Любе приходилось скрывать – на день уезжала как будто к подруге, а сама ехала в Загорск. Любочка была очень спокойная девочка, культурная, вежливая. Миша тоже был спокойный, Егор Иванович иногда его шлепнет, а он говорит: ты что, я же человек!

И как-то мне говорит невестка Ольга: Клара Михайловна, Вы же некрещеная, надо бы покреститься. Она договорилась в храме Казанской Божьей Матери на Красной площади. Там был батюшка отец Леонид, который венчал их с Мишей в храме Ризоположения на Донской, потом его перевели на Красную площадь. А крестной у меня была Наташа – родная Ольгина сестра.

После крещения я стала ездить в этот храм с Ольгой и внучками Полиной и Соней. Выходила из метро на Площади Ногина и шла переулками в храм. Как-то на соборование шла, а туда не пускали – было перекрытие. А у меня была бумажка на соборование – пропуск, и меня знал дьякон, он меня встретил и довел до храма. Мы часто туда ходили, утром на литургию, на молебны – каждую неделю. Там служил отец Леонид, он знал

девочек и они там помогали матушкам, вытирали подсвечники, ставили свечи, крутились у Алтаря.

Я когда на службах стояла – ничего было. А как-то раз стою – и у меня голова закружилась и я потеряла сознание. Ольга меня вывела в притвор, вызвали скорую и мне в притворе на лавочке сделали укол. Ольга говорит: «Службу надо отстоять. Достоите. Ничего плохого с Вами не будет». И достояла я до конца службы. Потом поехали домой. Через какое-то время – опять, не могу стоять, меня вывели, вынесли стул к иконной лавке снаружи у храма и вызвали скорую. Скорая приехала, сделали укол. Ольга опять: «Идемте, достойте службу. Я рядом, ничего не случится». И больше со мной никогда такого не было. Службы все стояла, молитвы выучила. Когда пели «Верую», я думала – никогда не выучу. А потом выучила – как хорошо, могу со всеми петь.

Уверовала в Бога – по мелочам даже Он мне помогает: как пойду в лес грибы собирать, говорю: «Господи, дай мне хоть один грибочек беленький найти». А передо мной елочка стоит, поднимаю ветку – а там маленькие белые грибочки. Как-то была у Ольги, спустилась вниз, а дверь в подъезд не открывается. Говорю: «Господи, помоги выйти из подъезда!». Взялась за ручку – дверь открылась. Когда веруешь всем сердцем и просишь, Господь все дает, всем помогает.

Долго я ходила в храм на Красную площадь. Мы оттуда с Ольгой и девочками – прямо в ГУМ, мороженое есть. Продавщица уже нас знала, очень я мороженое люблю. А когда Ольга с девочками переехала в новую квартиру на Ленинском у 5-й Градской, они стали ходить в храм Ризоположения на Донской, а потом Ольга стала ходить в Донской монастырь. Там и Полина венчалась позже.

А мы с Любой как-то прибились к храму Малое Вознесение на Большой Никитской. Я и не знала, что у нас на Никитской есть такой храм – Вознесения. Только помню, что в детстве напротив нашего дома был монастырь, а потом его снесли и сделали подстанцию метро. В храме мы познакомились с батюшкой отцом Алексеем (Кругликом), я попала к нему на исповедь. Он нам очень приглянулся, он очень добродушный. Я ему рассказала, что я на этой улице родилась, он говорит: ну хорошо, теперь к нам ходите. Потом батюшка стал приезжать к нам домой причащать. Я его спросила: батюшка, можно я буду Вашей духовной дочерью. Он подумал, говорит: много у меня духовных чад, но я согласен. И никогда он нам не отказывает, приезжает, причащает, соборует. И Егора Ивановича он отпевал а нашем храме на Большой Никитской. А перед смертью исповедовал и соборовал его, подготовил его к встрече с Господом.

P.S. Полякова Клара Михайловна, раба Божия Варвара, умерла 19 марта 2019 года дома во сне: остановилось сердце. Священник отец Александр во время отпевания в храме Малое Вознесение на Большой Никитской, сказал, что ко Господу отошла праведница. Замкнулся земной круг – ее проводили в Вечность там же, где началась ее трудная, долгая, светлая и прекрасная жизнь.

ПОЛЯКОВА КЛАРА МИХАЙЛОВНА
14.12.1923 - 19.03.2019

Младший сержант.

Во время войны рыла окопы под Брянском, работала на лесоповале (пилила лес для надолбов), работала на заводе «Красный факел» прессовщицей (делала прокладки для мин).

Окончила курсы радистов-морзистов, готовилась к отправке в тыл врага.

Награждена орденом «Октябрьской революции» и медалью «За победу над Германией»

Полякова К.М. с внучками, 2018

Полякова К.М., 9 мая 2017 года